

О КИНОКОМЕДИИ

О В ЭТОМ писали не раз, а говорили еще больше, но вопрос почти не сдвинулся с места.

И повторяться не хочется, и молчать нельзя...

Надо сказать честно: кинокомедий у нас мало, и среди них немало плохих. И виноваты в этом в первую очередь мы, драматурги. Виноваты, что делаем часто сценарии на поразительно мелкие темы, мало заботимся о сюжете, высасываем из пальца положения, пишем подчас небрежные диалоги, делаем уступки дурному вкусу, мало учимся мастерству построения комедии, нередко переплетаем темы, приемы, трюки. У нас почти совсем нет таких жанров в кино, как эксцентрическая комедия, буффонада, психологическая комедия, памфлет, пародия, фельетон.

Мы совершенно не экспериментируем, хотя всегда, когда на той или иной студии запускается в производство комедия, почему-то руководство студии говорит: «Товарищи, мы приступаем к комедии, и это — эксперимент». Но почему же каждая новая драма не является экспериментом, а комедия является?

Мне думается, эксперимент — когда комедии дают ставить режиссеру, который никогда этим не занимался и не имеет никакого понятия о чувстве юмора. К сожалению, бывает именно так. В свое время в «Советской культуре» была опубликована статья киноматюрг-комедиографа Е. Помещикова. В статье он писал, что любой режиссер может ставить комедию. Это несостоятельная точка зрения. Любой не может. Не может человек, лишенный чувства юмора, комедийности. Представим себе на минуту, что комедиограф принес сценарий смешной, остроумный, веселый (такие случаи иногда бывают), и подал этот сценарий к режиссеру опытного, но лишенному чувства юмора. Автор комедии излагает свою мысль, облеченную в остроумную комедийную форму. Режиссер, не обладающий острым, комедийным умом, читает этот сценарий и говорит, что это не смешно: «Вы говорите намеками, а надо разъяснить и уточнить вашу мысль»... — Но, пожалуйста, тут все дело именно в намеке. Нельзя же перед тем, как рассказать анекдот, передавать в популярной форме его содержание...

Зритель поймет иронию и засмеется: зачем ему доказывать все до конца?

У В. И. Ленина в «Философских тетрадях» есть конспект книги Фейербаха «Лекции о сущности религии». Там есть такая фраза: «Остроумная манера писать состоит, между прочим, в том, что она предполагает ум также и в читателе...». На полях Ленин сделал замечание: «Метко!». Мне думается, что это следует понимать и так, что остроумие предполагает и остроумного зрителя и читателя, иначе оно состояться не может. Но, видимо, как раз это не ясно иным руководителям студий.

Комедию должен ставить человек, который умеет это делать. А если хочет, но не умеет, надо учиться. Но не на зрителе. Вот тут и необходим эксперимент. Чаплин пришел к «Золотой лихорадке», к «Огням большого города», к «Новым временам», к «Диктатору» и к «Огням рампы» не сразу, а через короткие комические картины. Любой режиссер, берущийся впервые за постановку комедии, сразу хочет создать нечто выдающееся. Конечно, бывают чудеса, но редко, а планировать чудеса по крайней мере наивно. Мне кажется, что необходимо дать возможность экспериментировать режиссерам, драматургам и актерам, начиная с постановки короткометражных комических картин. Это один из путей к созданию настоящих комедийных фильмов.

Нужно добиться, чтобы мастера комедии, такие, как И. Пырьев, Г. Александров, Б. Барнет, перестали уклоняться от постановки комедий и взялись за свое прямое дело, пока они не забыли, как это делается. Когда И. Пырьев был директором «Мосфильма», задумали организовать комедийную мастерскую, которая объединяла бы сценаристов и режиссеров-комедиографов, дала бы возможность экспериментировать. Идея эта вызвала энтузиазм, но почему-то так и осталась неосуществленной. Пырьеву, как одному из руководителей Союза кинематографистов, следует поддержать теперь идею

Пырьева — бывшего директора «Мосфильма».

Очень важный и большой вопрос, о котором нельзя говорить без боли, — взаимоотношения автора сценария комедии и режиссера. У каждого писателя свой почерк, стиль, язык, свой юмор, и режиссер не имеет права не считаться с этим. Конечно, фильм должен быть поставлен так, чтобы чувствовалось и лицо режиссера, но он обязан прежде всего передать мысль автора, донести именно его, авторский, юмор, характер его остроумия. Только в этом случае комедии могут быть разнообразны, не похожи друг на друга. Только в этом случае они будут представлять именно данных авторов, и авторы эти смогут отвечать за свои сценарии. К сожалению, у нас слишком часто бывает иначе. Получив в руки сценарий кинокомедии, режиссер становится полным хозяином и начинает, не понимая авторского юмора, не желая считаться с ним, «усмешнять» и «обострять» сценарий. А юмор — это ведь такая вещь, что, разрушив одну из слагаемых или даже переименив его место, порой ликвидируешь всю сумму.

Приведу несколько примеров, как обращаются с юмором в диалогах.

В одном из сценариев был такой эпизод. Кокетливая женщина с ухаживающим за ней мужчиной на реке. Мелко. Вода по колено.

— Я боюсь утонуть! — говорит женщина у самого берега.

— Что вы?! — говорит мужчина. — Здесь так мелко. Тут невозможно утонуть.

— Вы не знаете моих возможностей, — отвечает женщина.

Это фраза на легкую улыбку. Режиссеру же кажется «не смешно», и он «усмешняет»:

— Я боюсь утонуть, — говорит женщина.

— Такие, как вы, не тонут, — говорит мужчина.

Я думаю, комментировать излишне. В конечном результате забавная сцена вылетела из ленты.

Еще один пример. Учреждение. Пытаются избавиться от посетителя.

— Товарищ посетитель, оставьте заявление и зайдите к нам в отдел через две недели.

Посетитель, не выдержав этого «жюджения по мукам», говорит:

— Теперь я, кажется, понял, а раньше мне всегда казалось странным, почему часть учреждения называется «от дел», а не «для дел».

Режиссер решил «уточнить» этот диалог, и в разработанном им сценарии он звучит так:

— Я все понял: вы не занимаетесь в вашем отделе делами, а вы уходите от этих дел...

Режиссер берет сценарий фильма комедийный и, следовательно, в известной мере, условный, но хочет все «уточнить». У фильма «Девочка и крокодил», поставленного на «Ленфильме», нет почти ничего общего со сценарием. Режиссеры решили, что самое главное, чтобы все было вежливо, поэтому все в фильме говорят «здравствуйте» и «до свидания», и почти вся картина состоит из этих «здравствуйте» и «до свидания». Авторский юмор исчез, но зато все вежливо.

В сценарии «Карнавальная ночь» у нас с Ласкиным был один эпизод, который по чисто техническим причинам не вошел в фильм. Огурцов, просматривая, как идет подготовка к карнавалу, вышел в фойе и увидел, что ребята строят веселый аттракцион «Лабиринт».

— А это что такое?

— Сюда войдет человек, он будет блуждать... это будет весело и смешно!

— Зачем же мы будем вводить людей в заблуждение?

Он вошел в этот «Лабиринт», поблуждал, с трудом вышел и сказал:

— Ну, что ж? Это веселая вещь. Ее нужно оставить: это интересно. Только надо вывесить указатели, чтобы люди не толкались, а сразу бы шли в нужном направлении.

Вот эти указатели мне часто вспоминаются, когда начинают делать «уточнения».

Автору комедийного сценария необходимо доверять. Если режиссер не верит автору, нечестно ставить его сценарий. Но из этого не следует, что я считаю комедиографов, в том числе и себя, непогрешимыми.

Нужно, конечно, улучшать сценарии, нужно работать с авторами, режиссер может сделать автору указания. Но где-то это кончается.

Есть такой этап, когда уже все сделано, совершены все улучшения, все подписано, утверждено и закреплено подписями режиссера и автора. Тут уже нужно покончить с режиссерской самостоятельностью и ставить именно автора, а в большинстве случаев мы не узнаем своего сценария, отвечать же за сценарий в любом случае приходится автору.

У нас есть интересные, талантливые сценаристы-комедиографы, есть писатели этого жанра, которые еще не появлялись, но могут появиться на экране. Но почему же давно не пишут кинокомедий Галич и Исаев, Каплер, Эрдман, Погодин, Катаев, Барто, Рожков, Склют, Типот? Мне кажется, главным образом потому, что фактически никому вручить комедию. Старые мастера комедии ставят мелодрамы, драмы, трагедии или концерты, а среди молодежи, умеющей ставить комедии, у нас, в Москве, появились за последнее время только Рязанов и Лукинский. Очень тревожный факт. Если вернуться к постановкам комедий даже старые мастера этого жанра, все равно проблемы не решить. Одним из выходов из создавшегося положения мне представляется привлечение авторов комедий к работе в качестве со-режиссеров, что должно дать какой-то положительный результат.

Неладно в кинокомедиях и с положительным героем. Я думаю, оттого это происходит, что положительный герой во многих наших комедиях чаще всего резонер, скучный человек, произносящий «правильные» сентенции. А если автор вкладывает в уста такого человека шутку, наши редакторы очень часто пугаются: «Ваш герой — умный, серьезный человек, ему нечего шутить, смеяться у вас и так достаточно». Но это же неправда: умные люди всегда любят шутку, они смеются, острят и даже «разыгрывают» друг друга. Народ любит таких людей, а мы в комедии превращаем их в какие-то «сухофрукты». Если же автор допустил, что с положительным героем происходят смешные или глупые вещи, тут поднимается просто стон: «Что вы делаете?! Это же умный человек, а он у вас попадает в глупое положение!». Такие редакторы забывают, что попасть в глупое положение может только умный человек, ибо глупый находится в этом положении всю жизнь.

Несколько слов о музыкальной комедии. У нас часто бывает так: ставят обыкновенную комедию и вставляют в нее четыре песни: героиня что-то задумала и поет, а потом она поет, потому что вспомнила, что давно не пела. И тогда это называется «музыкальная комедия», в то время как определение «музыкальная» подразумевает прежде всего музыкальную драматургию фильма. Здесь и лейтмотив, и реминисценции мелодии, определяющей характеристику героя, здесь органическое вхождение музыки, песни и танца в сюжет фильма, музыкальное развитие сюжета и т. д. Увы, весьма часто об этом забывают.

Никто не снимал с повестки дня вопроса о сатирической комедии. Во имя всего светлого и хорошего надо сметать с пути все дурное и мешающее нам, но надо сметать так, чтобы не задеть метлой хорошее. Это всем ясно, а ведь хорошей сатирической комедии нет, словно все сатирики решили, что спокойнее не писать сатиры, — по крайней мере не будет ошибок. Виноваты в этом и студии, и управление, которые тоже «хотят жить спокойно». Нам надо быть смелее, и тогда, безусловно, появятся хорошие сатирические фильмы.

Сатира и юмор — могучее оружие в борьбе за мир, а мы в кино совершенно им не пользуемся. Разве мы не можем создать острые сатирические фильмы, разоблачающие поджигателей войны, колониализм? Разве не можем совместно с сатириками и юмористами стран народной демократии и с прогрессивными писателями капиталистических стран создать веселые, смешные, острые фильмы, укрепляющие международную дружбу честных людей? Ведь смех не только убивает, он умеет и облизывать людей. Хорошая шутка — замечательный проводник дружбы. Будем же с чувством любви к своему народу, с гордостью за свою Родину выпускать на экран веселые, умные, острые и обязательно смешные комедии!

Владимир ПОЛЯКОВ.

Советская культура
24.1.58